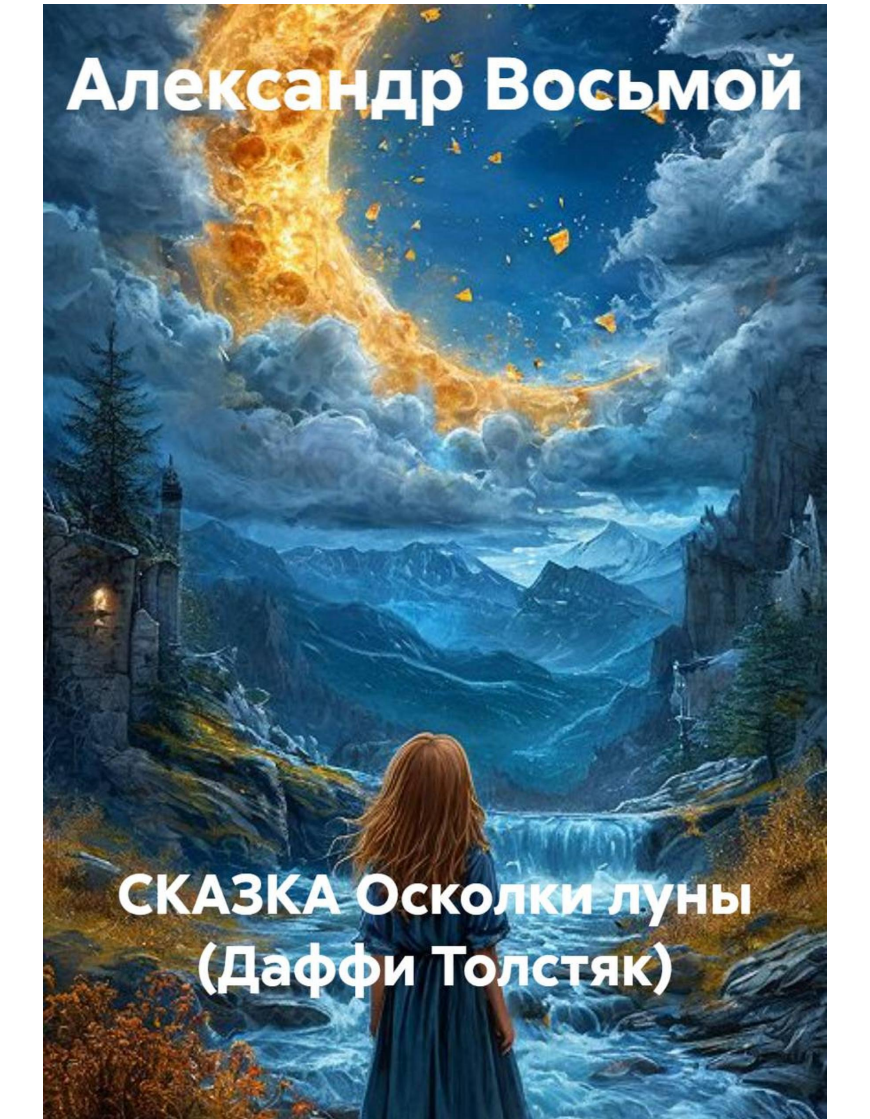

Александр Восьмой

**СКАЗКА Осколки луны
(Даффи Толстяк)**

Александр Восьмой СКАЗКА Осколки луны (Даффи Толстяк)

<https://litres.ru/74131408>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда луна рассыпалась на осколки, девочка с глазами цвета сумерек отправилась собирать свет, чтобы вернуть миру ночь. На пути её ждут крылатые стражи, реки из тумана и испытания, проверяющие силу сердца. Нежная, но эпичная история о том, как маленький свет способен разогнать великую тьму.

Александр Восьмой

СКАЗКА Осколки

луны (Даффи Толстяк)

Глава 1. «Осколки над спящим городом»

Ночь рушилась беззвучно — так тихо, что даже ветер замер, будто прислушиваясь к чему-то великому и страшно-му. Луна, висевшая над городом, вдруг пошла тонкими серебряными трещинами, словно кто-то провёл по хрустальному шару острым ногтем. Трещины множились, сплетались в причудливую паутину, и в какой-то миг луна рассыпалась — не с грохотом, не с криком, а с едва уловимым хрустальным звоном, похожим на то, как лопается тонкая льдинка на луже.

Осколки падали медленно, будто время вокруг замедлилось, чтобы дать миру осознать случившееся. Они мерцали холодным светом, который не грел, а, наоборот, делал воздух ещё прозрачнее и зябче. Осколки ложились на крыши домов, цеплялись за ветки деревьев, оседали на пустых улицах, превращая город в странное, призрачное место — будто кто-то рассыпал по земле горсти звёздной пыли.

В маленьком доме у самого края леса, там, где лес уже почти обнимал стены, проснулась Лира. Она не вздрогнула от шума — шума не было, — но проснулась, потому что мир

стал другим. Её глаза, цвета сумерек — то ли серые, то ли фиолетовые, то ли синие, как небо за минуту до настоящей ночи, — сразу заметили то, чего не видели другие: свет таял. Он не исчезал сразу, а растворялся в воздухе, словно капля молока в воде, оставляя после себя серую, безжизненную полутьму.

Лира села на кровати, обхватив колени, и смотрела в окно, не в силах отвести взгляд. И в этот миг случилось нечто странное: крошечный осколочек луны, не больше ногтя, тихо спланировал к окну, скользнул сквозь стекло — будто стекло для него не существовало — и мягко прилип к её ладони. Он не был холодным, как можно было бы ожидать от осколка ночного светила. Он был тёплым и пульсировал, будто у него было своё собственное сердце, тихое и ровное.

Лира поднесла ладонь ближе к лицу, и осколочек засветился чуть ярче, словно узнал её. В тот момент она поняла: если не собрать этот свет, если не вернуть его туда, где ему положено быть, мир навсегда останется в этой серой, пустой полутьме. Ночь не просто исчезла — она раскололась, и теперь её нужно было собрать заново, осколочек за осколочком.

За окном город казался застывшим, словно все его жители спали и видели один и тот же тревожный сон. Но Лира знала: она не может ждать, пока кто-то другой заметит, что небо стало неправильным. Она накинула тёплую шаль, взяла маленький мешочек, который всегда висел у неё на поясе, и

тихо вышла из дома. Дверь скрипнула, и этот скрип прозвучал в тишине особенно громко — как обещание, что назад пути уже не будет.

На крыльце она остановилась и подняла голову. Небо было непривычным: в нём не было глубины, не было тайны — только россыпь мерцающих осколков, которые пока ещё держались в воздухе, но уже начинали терять свой свет. Лира протянула руку, и один из осколков, будто услышав её безмолвный зов, мягко опустился ей на пальцы. Она бережно положила его в мешочек, и тот тихо звякнул, словно поблагодарил.

И тогда Лира сделала первый шаг по тропинке, уходящей в сторону леса. Тропинка была знакома ей с детства, но сегодня она выглядела иначе: тени стали глубже, воздух — гуще, а каждый шорох казался намёком на что-то большее. Лира шла вперёд, крепко сжимая в руке тёплый осколочек, и шептала себе под нос: «Я верну ночь. Я обязательно её верну».

Город оставался позади, растворяясь в серой полутьме, а впереди ждал лес, туман и то, что ещё только предстояло встретить. Но сейчас, в эту самую минуту, Лира чувствовала: даже самый маленький свет способен разогнать великую тьму — нужно только не бояться идти вперёд.

Глава 2. «Крылатый страж у границы тумана»

Лира шла вдоль опушки, и с каждым шагом мир становился всё менее знакомым. Деревья будто прислушивались

к её шагам, ветви склонялись ниже, словно хотели шепнуть что-то важное, но не решались. Тропинка, которую она знала наизусть — та, по которой бегала за земляникой и пряталась от дождика под широкими листьями папоротника, — теперь казалась чужой: камни лежали не там, где раньше, а тени лежали слишком густо, будто пытались что-то скрыть.

Вскоре Лира упёрлась в стену тумана. Это был не обычный туман, который рассеивается от ветра или прячется с первыми лучами солнца. Этот туман жил. Он тёк, как река, только без воды — плотные серебристые струи перекачивались, сплетались и расплетались, издавая тихий, едва уловимый гул, похожий на далёкий шёпот множества голосов. Туман не стоял на месте — он двигался, дышал, тянулся вперёд, будто хотел дотянуться до города и укутать его целиком.

Лира протянула руку, и пальцы утонули в густой мгле. Туман был прохладным и одновременно мягким, как шёлковая вуаль, но внутри него чувствовалось течение — не вода, а сама пустота, которая хотела унести всё, что попадётся. Девочка отдёрнула руку, и на пальцах осталась лёгкая серебристая пыль, мерцавшая, будто в ней застряли крошечные звёзды.

И тогда на границе света и мглы появился крылатый страж.

Он возник не из воздуха — он словно соткался из теней и перьев, из тишины между вдохами и из темноты, которая живёт под корнями деревьев. Его крылья были огромными, но не тяжёлыми: они казались сотканными из ночи, из тех

самых сумерек, цвет которых был так похож на глаза Лиры. А глаза стража... они напоминали звёздное небо — глубокие, бесконечные, в них кружились крошечные огоньки, будто галактики в миниатюре.

Страж не шевелился, но Лира чувствовала, что он смотрит не просто на неё — он заглядывает внутрь, туда, где прячется страх, надежда и самое главное желание. Его голос прозвучал не снаружи, а будто внутри головы, спокойно и тяжело, как раскат далёкого грома:

— Что ты принесёшь в жертву ради света?

Древний вопрос. Слова, которые, казалось, существовали дольше, чем сам город, дольше, чем лес, дольше, чем эта ночь. Лира замерла. Она знала, что ответ нельзя придумать — он должен быть настоящим. В её голове пронеслись десятки вещей: мешочек для осколков, который она сшила сама, любимая чашка с трещиной, старая книжка с потёртыми страницами... Но среди всего этого было одно, что она берегла особенно.

Серебряная брошка. Маленькая, в форме полумесяца, с крошечным камешком посередине, который в сумерках отливал фиолетовым. Эту брошку ей подарила мама, когда Лира впервые призналась, что боится темноты. «Носи её, когда станет страшно, — сказала мама, — и помни: даже самый маленький свет — это всё равно свет». С тех пор Лира никогда не снимала брошку. Это был её талисман, её тихий защитник, символ дома, тепла и того, что её любят.

Теперь этот символ предстояло отдать.

Лира не раздумывала долго. Не потому, что не было страшно, а потому, что знала: если она начнёт взвешивать, сравнивать, искать что-то менее дорогое — значит, её сердце не так чисто, как должно быть. Она расстегнула застёжку, и брошка легла в её ладонь, прохладная и привычная, будто шептала: «Ты уверена?»

Лира кивнула, хотя сама себе не верила до конца. Она подняла голову, посмотрела прямо в звёздные глаза стража и тихо, но твёрдо сказала:

— Я отдам свою серебряную брошку. Она была моим талисманом, моим домом. Но если ради того, чтобы вернуть ночь, нужно отдать что-то дорогое... я готова.

Крылатый страж склонил голову. Его крылья чуть шевельнулись, и воздух вокруг наполнился запахом ночного леса, прохлады и чего-то древнего, что помнит все дороги мира. Он не взял брошку — ему не нужны были вещи. Ему нужно было увидеть сердце.

— Твой путь чист, — прозвучал его голос, теперь уже не внутри головы, а снаружи, глубокий и спокойный. — Ты не ищешь лёгких дорог и не прячешься за чужими обещаниями. Свет примет твою жертву, даже если ты не отдашь её руками.

С этими словами туман перед Лирой расступился, образуя узкий проход, похожий на арку из серебристого дыма. Внутри арки мерцали крошечные искры — осколки лунного

света, которые ждали, чтобы их нашли.

Лира сжала в кулаке брошку, но не бросила её. Теперь она поняла: жертва — это не обязательно то, что ты теряешь навсегда. Иногда жертва — это то, ради чего ты готов рискнуть самым дорогим. Она аккуратно положила брошку обратно, застегнула застёжку и прошептала:

— Спасибо, что был со мной. Но теперь я должна идти дальше.

Она шагнула в проход, и туман мягко сомкнулся за её спиной, не как преграда, а как благословение. Впереди текла река из мглы, и где-то там, в её глубине, прятался первый настоящий осколок — тот, который не падал с неба, а жил в самом сердце тумана.

Лира шла вперёд, и её глаза цвета сумерек теперь светились чуть ярче, будто в них отражался тот самый свет, который она обещала вернуть. Мир был тёмным, странным и пугающим, но в груди у девочки разгоралось тихое, упрямое пламя: она не позволит ночи исчезнуть. Даже если придётся пройти через все туманы мира.

Глава 3. «Река, что течёт без воды»

Проход из тумана выпустил Лиру на высокий берег, и девочка замерла, вцепившись пальцами в край шали. Перед ней раскинулась река — но в ней не было воды. Вместо волн и брызг по руслу катились плотные клубы тумана, тяжёлые, как жидкое серебро. Они перекатывались, сталкива-

лись, рассыпались на клочья и снова сливались воедино, издавая низкий, тягучий гул — будто сама тишина пыталась заговорить.

Река текла без брызг, без пены, без привычного журчания. Её течение было вязким, почти осязаемым: казалось, стоит только опустить руку, и туман утянет её вглубь, закружит, растворит в себе, как растворялся лунный свет в воздухе. Лира вспомнила, как мама рассказывала ей сказки про реки, которые стирают память, про переправы, где каждый шаг — это выбор между тем, кем ты был, и тем, кем станешь. И теперь эта сказка стала её дорогой.

На противоположном берегу, едва различимый сквозь пелену, темнел каменный цветок — огромный, будто высеченный из самой ночи. В его сердце, Лира знала, прятался первый настоящий осколок. Не тот, что упал с неба, а тот, что был рождён в самом сердце мглы, — и забрать его можно было, только перебравшись через реку.

А перебраться можно было лишь по мосту.

Он появился, когда Лира сделала шаг вперёд: тонкая дорожка из лунного света легла над течением, дрожащая, прозрачная, похожая на застывшую песню. Мост не был твёрдым — он состоял из света, сотканного из обещаний и воспоминаний, из тех самых тихих слов, которые шепчут в темноте, чтобы не было страшно. И стоило только мысли о страхе стать громче, чем надежда, как мост начинал таять, рассыпаясь на искры, которые тут же поглощал туман.

Лира встала у самого края, чувствуя, как под ногами дрожит хрупкая дорожка. Она хотела сделать шаг, но нога не слушалась: страх сжимал её изнутри, холодный и тяжёлый, как камень. А туман внизу будто прислушивался, ждал, когда она дрогнет, чтобы утянуть её в свою глубину.

И тогда в памяти всплыли мамины слова, сказанные в одну из тех ночей, когда Лира пряталась под одеялом, боясь каждого шороха: «Свет держится на тихих обещаниях. Не на криках, не на приказах, а на словах, которые ты говоришь себе, когда все остальные молчат».

Лира закрыла глаза, чтобы не видеть, как тает мост, и прошептала в тишину, так тихо, что даже туман не смог бы украсть эти слова:

— Я верну ночь. Я обязательно её верну. Даже если придётся идти в темноте.

В тот же миг мост вспыхнул. Свет стал ярче, плотнее, он будто налился силой от её обещания. Дорожка перестала дрожать и легла над рекой твёрдой, надёжной полосой, переливаясь всеми оттенками сумерек — от серебристого до глубокого фиолетового.

Лира открыла глаза и сделала первый шаг. Мост выдержал. Второй шаг — и свет под ногами зазвенел, как натянутая струна. Третий, четвёртый... Она шла, крепко сжимая кулаки, и с каждым шагом страх становился чуть меньше, а обещание — чуть громче. Туман внизу тянулся к её ногам, пытался коснуться, утянуть, но не мог: свет, рождённый из

её слов, не пускал мглу близко.

Когда Лира ступила на противоположный берег, мост за её спиной тихо рассыпался на искры и растаял в воздухе — он был нужен только для того, чтобы она поверила, что может пройти.

Каменный цветок возвышался перед ней, массивный и молчаливый. Его лепестки были тяжёлыми, словно отлитыми из тёмного камня, но по краям мерцали тонкие прожилки лунного света. Лира подошла ближе и протянула руку. Цветок не шелохнулся, но в его сердце что-то тихо пульсировало — будто там билось собственное, древнее сердце.

— Прости, — тихо сказала Лира, будто цветок мог её услышать. — Мне нужен этот свет. Не для себя. Чтобы вернуть ночь.

Лепестки дрогнули. Один за другим они начали раскрываться, медленно, с тяжёлым скрипом камня, обнажая сердцевину. Там, в самом центре, лежал осколок — не прозрачный, как стекло, а будто сотканный из самого сумеречного воздуха. Он светился мягким, тёплым светом, который не слепил, а согревал.

Лира осторожно взяла его. Осколок лёг в её ладонь, лёгкий, как перышко, но от него по руке разливалось тепло, прогоняя холод, который успел пробраться под шаль. Девочка сжала пальцы, чувствуя, как свет шепчет ей: «Ты не одна. Ночь помнит тебя».

Она спрятала осколок в мешочек, и тот тихо звякнул, при-

нимая новую частицу света. Каменный цветок снова сомкнул лепестки, будто ничего и не было, только по его краям теперь не мерцали прожилки — часть света ушла с Лирой.

Девочка обернулась. Река из тумана всё так же текла, гу-стая и спокойная, но теперь Лира знала: она уже перешла её. Не потому, что мост был крепким, а потому, что её обеща-ние оказалось крепче страха.

Тропинка уходила дальше, в глубину леса, где тени стано-вились ещё гуще, а тишина — ещё значимее. Но Лира шла вперёд, и её глаза цвета сумерек теперь отражали не просто свет осколка — в них жила решимость. Маленький свет в её ладони был началом. И она знала: впереди ещё много до-рог, много испытаний и много темноты. Но теперь она вери-ла: даже самый крошечный свет способен разогнать великую тьму — нужно только не переставать обещать себе, что ты не сдашься.

Глава 4. «Каменный цветок и голос корней»

Каменный цветок стоял перед Лирой, тяжёлый и непо-движный, будто вырос не из земли, а из самой тишины. Его лепестки, отливавшие тёмно-серым, с прожилками лунного света по краям, казались высеченными из скалы, но в то же время в них чувствовалось что-то живое — будто под кам-нем пряталось дыхание. Лира уже держала в руке тот оско-лок, что нашла в сердцевине, но теперь он не давался просто так: стоило ей потянуться, как лепестки сомкнулись, скры-

вая свет, а сам цветок тихо задрожал, словно пробуждаясь от долгого сна.

И тогда из глубины камня раздался голос — не громкий, не резкий, а низкий, тягучий, похожий на гул земли после грозы. Он шёл не снаружи, а будто из-под ног, поднимаясь по корням, по камням, по самой почве, на которой стояла Лира.

— Что согревает, хотя не горит, и светит, хотя не видно? — прозвучал вопрос, и каждое слово отдавалось в груди девочки, как удар далёкого колокола.

Лира замерла. Она ожидала силы, ловушки, испытания на храбрость — но не загадки, которая будто касалась чего-то внутри неё, самого сокровенного. Она опустила взгляд на свои руки — они дрожали. Холод реки из тумана ещё не ушёл до конца, пальцы были зябкими, а шаль казалась слишком тонкой для этого места, где даже воздух был сделан из теней.

Она думала о пламени — о кострах, о свечах, о том, как огонь даёт тепло и свет. Но ответ не подходил: огонь горит. А загадка говорила о чём-то, что согревает без пламени и светит, оставаясь невидимым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.